

ПОЭТИКА ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА

А. Терника

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2019 г.

Аннотация: с опорой на характерологию и нарратологию в статье рассматривается временная организация повестей И. С. Тургенева. Автор ставит своей целью установить сюжетообразующую роль поэтики времени через рассмотрение различных нарративных стратегий И. С. Тургенева, различия трёх типов тургеневского нарратива: «чистый», «смещённый» и «комбинированный». С точки зрения своеобразия литературной характерологии Тургенева и её связи с поэтикой времени, автор рассматривает такие типы тургеневских характеров, как обыкновенный, необыкновенный, ложно необыкновенный, слабый, лишний, героический, а также тип, для которого выбрана сдвоенная формула: отвлеченный обыкновенный человек.

Ключевые слова: время, нарратив, нарратология, повествование, повесть, И. С. Тургенев, поэтика времени, характерология повестей И. А. Тургенева, русская литература XIX в.

Abstract: The paper considers the temporary organization in short novels of Ivan Turgenev based on the characterology and narratology. The author aims to establish the plot-forming role of the Poetics of Time through the consideration of various narrative strategies by I. S. Turgenev. The author the differences of the three types of Turgenev narrative: "pure", "dislodged" and "combined". From the point of view of the peculiarity of Turgenev's literary characterology, the author considers in the article such types of Turgenev's characters as ordinary, extraordinary, falsely unusual, weak, superfluous, heroic, as well as the type for which the double formula is chosen: an unrelated ordinary person.

Keywords: Turgenev, time, short novel, poetics, narrative, characterology in short novels of I. S. Turgenev.

Повесть И. С. Тургенева представляет собой жанр, в котором с наибольшей степенью отчетливости и разнообразия объективируется авторская конструкция времени и осуществляются связанные с этим эксперименты над нарратологией и характерологией.

С одной стороны, в повестях И. С. Тургенева обнаруживается не только тематическое, но и структурное единство, например, использование писателем двух повествовательных форм (от 1-го и 3-го лица), ретроперспективный характер повествования, сюжетно-фабульное единство, особая роль временных осей и временные разрывы между «временем повествования» и «временем сюжета» [2, 313–416].

С другой стороны, нарратив в повестях И. С. Тургенева имеет некоторые особенности. Дифференцировать нарратив в повестях И. С. Тургенева можно следующим образом: 1. Чистые нарративные варианты (от 1-го и 3-го лица); 2. Смещённые варианты. К подобным вариантам мы относим, например, такие тексты, где повествование ведётся от 3-го лица, но нарратор следует за одним из персонажей (повесть «Петушков»); 3. Комбинированные тексты. Например, повесть «Переписка», где кроме внешнего нарратора (того, кто публикует письма) есть ещё две точки зрения — мужской и женский варианты.

Практически во всех повестях И. С. Тургенева мы находим чередования планов «настоящего» и «прошлого», причём сегменты «прошлого» ритмично включаются в «настоящее». Целый ряд текстов И. С. Тургенева построен как рассказ в кругу слушателей, причём мы не просто узнаем из текста историю, но и видим сам акт повествования. К таким повестям можно отнести, например, повести «Андрей Колосов», «Первая любовь», «Степной король Лир». Подобная структура сразу подчеркивает временной разрыв между настоящим нарратора и его прошлым и делает закономерным вывод о стремлении нарраторов возвращаться к своему прошлому: вспоминать, иногда даже переживать эмоциональное состояние потери. Кроме того, важно отметить, что стремление вернуться к своему прошлому возникает у нарраторов спонтанно: его просят рассказать историю («Первая любовь»), тема разговора наталкивает нарратора на воспоминание («Андрей Колосов», «Степной король Лир»), случайно найденный предмет из прошлого пробуждает воспоминания («Ася», «Вешние воды»).

В основе нарративной организации тургеневских повестей лежат два ключевых принципа. Во-первых, функционально нечеткое различение аукториального и акториального способов повествования. Во-вторых, разделение героев (объектов повествования) на два класса: герои фокусные, находящиеся в центре пове-

ствования, и герои периферийные, которые привлекают повествовательное внимание лишь постольку, поскольку сюжетно сопровождают фокусных героев. Например, в повестях «Бретёр» и «Два приятеля» внимание нарратора разделяется между двумя героями. А в повестях «Вешние воды» и «Клара Милич» нарратор прикреплен к одному (фокусному), как правило, мужскому герою, а другой персонаж (мужской или женский) дается в отдалении.

При рассмотрении временной организации повестей И. С. Тургенева и установлении сюжетообразующей роли поэтики времени необходимо учитывать характер героя, его способность принимать верные решения и включаться в действие. Среди основных литературных характеров в повестях Тургенева можно назвать *лишнего, слабого, обыкновенного и необыкновенного человека* (которые понимаются в соответствии с типологией А. А. Фаустова и С. В. Савинкова [1]). Кроме того, можно выделить еще два характера. Во-первых, это *героический (богатырский)* характер, отличающийся органической связью с природной жизнью и окруженный зооморфным семантическим ореолом (Герасим в «Муму» или Харлов в «Степном короле Лире»). Во-вторых, это *отвлеченный обыкновенный человек* (к примеру, Астахов в «Затишье» или Вязовнин в «Двух приятелях»), который, в противоположность героической версии отвлеченного героя (в лице Рудина), отстранен от жизни и от самого себя не потому, что подчинен общему началу, судьбе, а потому, что облек свое существование в ритуализованные формы.

Тургеневские повести можно разбить на несколько групп в зависимости от того, каково число фокусных героев (один или два), как они соотносятся с нарратором (совпадают или не совпадают) и друг с другом. Отношения между фокусными героями могут быть фронтальными (когда герои находятся в сюжетном кругозоре рядом друг с другом, как Кистер и Лучков в «Бретере») или глубинными (когда герои располагаются в сюжетной перспективе друг за другом, как Фустов и Сусанна в «Несчастной»).

Положение нарратора и его отношение к герою важно потому, что это, по сути, является и характеристической квалификацией героя. Например, тот случай, когда нарратор делит внимание между двумя фокусными героями (ни один из которых не является нарратором), то один из них принадлежит к характеру отвлеченного обыкновенного человека. Это повести «Бретёр» (Кистер), «Два приятеля» (Вязовнин), «Яков Пасынков», «Затишье» (Астахов), «Несчастная» (Фустов).

Можно отметить, кроме того, и ещё одну нарративную схему: если в повести один фокусный герой, совпадающий с нарратором, то это или лишний, или слабый человек. Это повести: «Петушков», «Дневник лишнего человека», «Переписка», «Фауст», «Ася» (Н. Н.), «Вешние воды» (Санин), «Первая любовь», «Клара Милич» (Аратов).

Обратимся к основным характеристикам и определим их связь с ходом времени. Начнём с того, что целый ряд повестей, так или иначе, включают оппозицию «обыкновенный» — «необыкновенный» человек. Под формулой «обыкновенный человек» понимается персонаж, целиком лишенный устремления к самостоятельности и самостоятельности, живущий по готовым лекалам и обреченный на то, чтобы перенимать все новые и новые чужие обличья [1]. Но мы можем отметить, что «необыкновенный» человек в повестях И. С. Тургенева не так однозначен в определении. Нельзя сказать, что «необыкновенный» диаметрально противоположен «обыкновенному». Единственное, что его может отличать от обыкновенного — это простота, ясность, разумный взгляд на происходящее, чувство естественного хода времени и способность принятия верных решений. Иными словами, «необыкновенным» может выступать ничем не примечательный персонаж, если он понимает истинное положение дел. Наилучшим образом нашу интерпретацию подтверждает повесть И. С. Тургенева «Андрей Колосов». «Необыкновенность» Андрея Колосова заключается в том, что у него «ясный, простой взгляд на жизнь» [3, 33]. Иными словами, Андрей Колосов живет настоящим, его действия совпадают с ходом времени: разлюбив Варю, он вовремя разрывает с ней отношения.

Но возможен и другой вариант, когда в тексте есть лишь косвенные упоминания этих типажей, как, например, в повести «Несчастная». Из текста повести можно сделать заключение, что тема «необыкновенного» человека не выносится на обсуждение прямо, но в некоторой степени присутствует. Нарратор (некто Петр Гаврилович) неоднократно отмечает красоту и таланты Александра Давыдовича Фустова, даже заключает: «в жизни моей я еще не встречал молодого человека более „симпатичного“» [4, 62]. Фустов шахматист, танцор, художник, «играет на цитре» и знает множество фокусов, иными словами, наделён творческим потенциалом. К тому же Фустов «никогда не задумывался, всегда был всем доволен» [4, 64]. Складывается впечатление, что этот персонаж положительный, умеренный, аккуратный, даже необыкновенный. Нарратор отмечает немецкое происхождение Фустова, поэтому, если обратиться к его фамилии, то, вероятнее всего, она происходит от архаичного немецкого слова «Fust», что в переводе означает «стержень колонны». Фамилия указывает на статичность этого героя и неспособность включиться в действие, что противоречит образу «необыкновенного» героя. Как только Александр Давыдович упускает время и не успевает спасти Сусанну от смерти, нарратор заключает: «теперь понял, какой он маленький человек» [4, 124]. Фустов плачет как ребенок, он лишился «престижа» в глазах нарратора. В повести «Несчастная» нарратор надевает Фустова определением «маленький», пытаюсь

указать на его слабость, детскость, уязвимость. Ментальное перевоплощение из взрослого мужчины в мальчика — это регрессивный процесс, обратный естественному ходу вещей. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Фустов относится к категории отвлеченных обыкновенных характеров. При всех его талантах он словно скользит по поверхности жизни, отстранен от жизни и от самого себя.

В повести «Бретёр» также появляется понятие «необыкновенного» человека, но оно окружено иными смыслами. Образ Кистера, русского немца, несколько идеализирован: он — мечтатель, интеллигент и поклонник Шиллера, но никто его не называет «необыкновенным» или особенным. При всей его уникальности Кистер лишен какой-либо простоты и ясности. В некоторой степени Кистер также упускает время. Во-первых, он не понимает, что влюблён в Марию Сергеевну. Лучков сразу указывает на истинное положение дел, трижды говорит Кистеру: «Ты в неё влюблен». Во-вторых, Кистер во время дуэли рассеян и теряет время (не успевает выстрелить). Антиподом Кистера выступает внешне непримечательный Авдей Иванович Лучков. Он наделён «неприятной улыбкой», «дерзко глядит», но и Маша, и Кистер убеждены в исключительности Лучкова и принимают его «за человека необыкновенного» [3, 53]. В действительности Лучков оказывается в более сильной позиции благодаря маске «необыкновенного человека». Мы назовём этот тип ложно необыкновенным или ложно героическим. Заблуждение Маши и Кистера относительно Лучкова оказывается поистине роковым: именно «обыкновенный» и «глупый» Лучков становится физическим убийцей Кистера.

В центре рефлексии героев повестей И. С. Тургенева оказывается проблема недосказанности, слишком позднего осознания чувства любви, потеря времени, невозможность остановиться в потоке времени. Былое, воссоздаваемое в воспоминаниях, как правило, значимо лишь для самого нарратора, но он рассказывает историю третьим лицам / публикует письма / пишет дневник. В меньшей степени герои думают о вечности, у них нет желания оставить «свой след» — скорее, это попытка справиться с одиночеством. Причина одиночества кроется не столько во внешних событиях, сколько в характере героев. Исключением здесь являются герои слабые — такие, как Н. Н., Санин, Яков Аратов. Их одиночество похоже на некое стечение обстоятельств; подобные герои чересчур подвержены влиянию окружающих людей. Кроме того, несчастная Сусанна тоже одинока не по своей собственной воле.

Сквозной идеей многих тургеневских повестей является зависимость хода событий от одного верного или неверного поступка. В связи с чем мы должны различать два состояния, свойственных героям И. С. Тургенева: 1) счастливая пассивность пребыва-

ние в потоке времени, где никаких событий в принципе нет (простота); 2) возможность поймать мгновение (в случае неудачи чревата катастрофой).

Героям тургеневских повестей свойственно запоздалое прозрение, некое открытие в момент утраты. Наиболее показательным в этом смысле поведение героя повести «Ася». Он осознает, что любит, лишь тогда, когда Ася уезжает навсегда в неизвестном направлении. Надо сказать, что и другие повести раскрывают героев в момент утраты. Например, «Несчастливая» или «Клара Милич». И. С. Тургенев стремится показать сложность, мгновенность чувств, которые не могут возникнуть «вовремя». Как правило, герои обыкновенные упускают свое счастье или момент объяснения, а потом горько сожалеют об этом. Потеря этого момента времени может восприниматься не слишком болезненно («Ася»), а может приравняться к потере жизни («Клара Милич»).

Большинство (двенадцать из двадцати) повестей завершаются смертью героев или героинь — физическим переходом в безвременье, в небытие. Подобные концовки указывают на трагичность прошедшего времени, на незавершенность и неумение сохранить своё время. Смерть героя ассоциируется с пустотой. В этом смысле в повестях И. С. Тургенева значительно выделяется последняя повесть «Клара Милич»: данный текст построен как возможность соединения после смерти. Смерть в повести воспринимается как один из завершающих этапов: после него возможны развертывание переживаний и любовь.

В повестях И. С. Тургенева «лишние», «отвлеченные», «героические» характеры если и не умирают по причине болезни (Чулкатурин, Алексей Петрович С.), то словно стремятся к уничтожению себя (моральному или физическому). Например, они становятся затворниками, как Павел Александрович Б. в повести «Фауст», или погибают на дуэли, как Фёдор Фёдорович Кистер в повести «Бретёр» и Вязовнин («Два приятеля»), или неожиданно погибают, как Мартын Харлов в повести «Степной король Лир» и т.д. Иначе обстоит дело с героями «слабыми» (Н. Н., Санин, Яков Аратов): их жизнь продолжается. Возможна также метафорическая смерть, как в случае с бесследным исчезновением Аси.

Вся жизнь тургеневских героев оказывается замкнутой в определенном пространстве-времени. Особенно это касается типа «слабого» героя, которому свойственно запоздалое прозрение, некое открытие, когда момент упущен. В повестях И. С. Тургенева более успешным оказывается простой, решительный человек без рефлексии, например Андрей Колосов (необыкновенный), Лучков (ложно героический) или булочница Василиса (ложно необыкновенная). Даже ложность, с точки зрения жизни и приспособления к ее неотвратимым законам, оказывается у Тургенева меньшим грехом, чем слабость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фаустов А. А. Универсальные характеры русской литературы / А. А. Фаустов, С. В. Савинков. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. — 312 с.
2. Женетт Ж. Работы по поэтике Фигуры I–II / Ж. Женетт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 472 с.
3. Тургенев И. С., Полное собрание сочинений в две-

надцати томах / И. С. Тургенев. — Т. 4: Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844–1854. Наука, 1980. — 688 с.

4. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений в двенадцати томах / И. С. Тургенев. — Т. 8: Повести и рассказы. 1868–1872. М.: Наука, 1981. — 544 с.

5. Рикёр П. Время и рассказ. Т. I–II. Интрига и исторический рассказ / П. Рикёр; пер. с франц. Т. В. Славко; под ред. С. Я. Левит. — М.; СПб., 1998.

*Воронежский государственный университет
Терника А., аспирант кафедры русской литературы XX
и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: ternika@gmail.com*

*Voronezh State University
Ternika A., postgraduate student of the Russian Literature
of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore
Department
E-mail: ternika@gmail.com*